

«И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный»

В газете использованы
материалы сайтов sf.ru и psmb.ru
Электронная версия газеты gazetakifa.ru

12⁽¹⁵⁰⁾
сентябрь 2012

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 2

Садовники прекрасного, но поруганного сада

В итальянском монастыре Бозе прошла XX ежегодная богословская конференция. В этом году её тема «Человек – домоправитель творения Божьего»

С. 5

Ещё раз о славянофилах

Сто лет назад, в 1912 году, вышла из печати книга Н.А. Бердяева, посвященная Алексею Степановичу Хомякову. Насколько разорваны оказались ныне и в нас, и в церковной жизни нити традиции, если очень многим православным трудно сегодня поставить эти два имени рядом!

С. 6

Это то, что никогда «само собой» не заживёт

Сейчас многие люди воспринимают попытки осуждения преступлений советского режима как очернительство, отрицание чего бы то ни было доброго во всей нашей истории. Почему нам так важно понять, что на самом деле произошло с нашим народом за 70 лет советской власти?

С. 8

Крайности в богословии и в жизни

В этом номере мы перепечатаем статью греческого богослова Георгиоса Мадзаридиса, опубликованную на портале «Богослов.ру». Основные тезисы этого размышления удивительным образом совпадают с тем, о чем уже давно говорило Преображенское братство и прежде всего его духовный попечитель, священник Георгий Кочетков

«Пусть самая последняя из семей Господних, но наша»

«Вы – мой путь ко Христу...
В нас редчайшая полнота,
почти не встречающаяся, –
полнота покаяльно-богослужебной семьи.
Я не нахожу ни в себе, ни в богослужении
моего и вашего – всё перепелось,
всё составило новый организм
соборно совершающей служение
духовной семьи.
Я вами, вы мной, все вместе – во Христе.
Разве можно нас разделить?»

Детство и годы учебы

Сергей был четвертым ребенком в семье протоиерея Алексия Мечёва. Еще мальчиком Сергей помогал отцу в алтаре, позже пел на клиросе.

«Еще ребенком, присутствуя при батюшкином богослужении, я поражался тем, как поет он икос Пасхи. Сам не понимая отчего, я дожидался икоса с таким трепетом душевным, как и первого “Христос воскрес”, как слова Иоанна Златоуста, как пасхального Евангелия. Батюшка пел его особенно, древним самоподобном, в самом напеве своем раскрывающим смысл и подчеркивающим значение тех или других выражений. Ликующий и радующийся в эту ночь, он вдруг как бы уходил глубоко в себя, и я чувствовал, что вся внутренняя его рыдает и оплакивает при словах: “О Владыко, востани, падшим подай воскресение”. Кого оплакивает? Спасителя? Нет, нет, теперь я знаю кого – себя, падшего...», – вспоминал спустя десятилетия

Исполнилось 120 лет со дня рождения и 70 лет со дня мученической кончины протоиерея Сергея Мечёва

отец Сергей в своих письмах общине из ссылки¹.

Окончив гимназию с серебряной медалью, Сергей в 1910 году поступил на медицинский факультет Московского университета. Спустя некоторое время он перешел на словесное отделение историко-филологического факультета, где изучал древнерусскую литературу под руководством академика М.Н. Сперанского. Академик называл Сергея Мечёва одним из лучших своих учеников. Однако учебу прервала Первая мировая война. В 1914 году Сергей ушел добровольцем на фронт. До июня 1916 года он служил санитаром и братом милосердия в прифронтовой зоне.

окончание на с. 4

Священномученик Сергей Мечёв

В поисках свободы

Интервью с митрополитом Иоанном (Зизиуласом)

Ваше Высокопреосвященство, Вы один из самых известных православных богословов в мире, и Вы, конечно, размышляете о современных богословских проблемах, в частности, о тех вызовах времени, на которые Церкви сегодня приходится искать ответ. Каков, по Вашему мнению, самый серьезный вызов, который осознает сегодня Церковь и на который она должна дать ответ?

Это очень непростой вопрос, поскольку таких вызовов множество. Не так легко сказать, какой из них самый важный, но можно было бы назвать, например, вызов вере. Другими словами, современное общество слишком полагается на потенциальные и реальные возможности человека. Мы, люди, как бы взяли судьбу в свои руки, и вызов теперь состоит в том, чтобы понять, как сделать так, чтобы Бог современному человеку снова стал нужен. Ведь этот человек убежден, что тот прогресс, которого он достиг как в науке, так и в других областях жизни, включая даже и этику, дает людям возможность обустроить свое общество, да и всю свою жизнь таким образом, что Бог оказы-

вается совсем не нужен. Так что Церкви нужно снова сделать Бога необходимым для человека. Но как? Прежде всего, указав на ошибки человека и на те тупики, в которые он сам себя завёл. Во-вторых, сосредоточив внимание на тех аспектах человеческой личности, которые никакой научный прогресс и даже развитие этических воззрений удовлетворить не может. К таким аспектам относятся, например, проблема свободы человека, на которой сегодня необходимо делать особый акцент, поскольку в современном обществе любой прогресс и даже само выживание человека требует принесения свободы в жертву. Поэтому нам нужно снова сделать актуальным то, о чем говорил, например, Достоевский: что человек, независимо от уровня прогресса, всегда жаждет большей свободы. Поэтому я думаю, что нам нужно изяснить нашу веру и даже догматы таким образом, чтобы было ясно, что без Бога и без веры в Бога человек оказывается в рабстве у самого себя и не может чувствовать себя вполне удовлетворенным. Думаю, что это тот экзистенциальный вызов, который общество сегодня бросает Церкви. Конечно, есть и другие, более частные проблемы, например, проблема традиции, которая в современном обществе воспринимается исключительно как препятствие на пути прогресса. А Церковь должна сохранять свою традицию, особенно церковь православная. Мы своей традицией поступиться никак не можем. Но и здесь нужно так преподнести, истолковать людям нашу традицию, чтобы она не выглядела как препятствие на пути прогресса. Вот эти два момента я могу отметить сразу.

окончание на с. 2

Где сокровище ваше...

В храме Христа Спасителя проходит выставка, посвященная 90-летию кампании по изъятию церковных ценностей

Мы попросили организаторов выставки, которая будет экспонироваться и в других музеях Москвы, обратиться с советом к её будущим посетителям.

Священник Георгий Кочетков, духовный попечитель Преображенского братства: Я считаю, что выставка очень важна как целость. Очень важно не выбирать какие-то знакомые имена и события (или, наоборот, незнакомые: «мол, это я знаю, а это я не знаю, пойду, пожалуй, посмотрю...»). Думаю, если у человека есть интерес к этой тематике, то есть смысл посетить эту экспозицию так, как посещают действительно серьёзные концептуальные выставки. На это потребуется часа два напряжённого труда. Нужно все прочитать, в том числе дополнительные материалы и высказывания, посмотреть внимательно фотографии, о чем-то подумать, какие-то вещи связать. Концепция выставки неординарная, достаточно интересная, поэтому это стоит того, даже если у кого-то будет недостаточно первоначальных знаний, или недостаточно времени, или недостаточно интереса к церковной истории XX века. Все равно каждому будет очень полезно постараться и разобраться в том, почему в нашей стране и среди нашего народа происходили такие события, что они означали, что этому предшествовало и к чему это привело. Это может многое объяснить в нашей современной жизни. Так что я не думаю, что нужно выбирать для просмотра только какие-то отдельные экспонаты. Мне кажется, что эта выставка хороша и интересна в своей целостности. Бог в помощь всем, кто на эту выставку пойдет. Я уверен, что если вы уделите ей достаточно внимания, вы точно не пожалеете.

Дмитрий Гасак, председатель Преображенского братства: Тем, кто хочет хоть как-то разбираться в духовных основах современной жизни, важно понимать, что современная жизнь, какой бы она ни казалась новой, тесно связана с нашей историей, особенно с историей XX века. И, конечно, современная жизнь Русской православной церкви преемственна по отношению к истории Церкви в XX веке. Поэтому так важна выставка, посвященная кампании по изъятию церковных ценностей. Она повествует об очень важном периоде истории советской России и истории Церкви в советское время, проявившем многие вещи. Этот период отразил новые принципы отношения к Православию со стороны общества, государства и с особой остротой проявил отношение верующих к обществу, церкви, государству, к жизни. Эта выставка повествует не о материальных вещах. Дело не в том, сколько было изъято, сколько возвращено и сколько пропало безвозвратно или было продано большевиками. Речь не об этом, а прежде всего об отношениях в обществе между людьми верующими и неверующими, симпатизирующими церкви и не симпатизирующими, между людьми простыми и людьми, облечёнными какой-то властью и положением в обществе. Это содержание выставки очень ценно для понимания некоторых особенностей нашей современной эпохи. Оно напоминает и о внутреннем потенциале, который у церкви есть для того, чтобы ее жизнь развивалась и чтобы, выражаясь словами Священного Писания, имя Божье не хулилось между язычниками.

Окончание в приложении «Открытая встреча»

Новости из-за рубежа

Садовники прекрасного, но поруганного сада

В итальянском монастыре Бозе 5–8 сентября прошла XX ежегодная международная богословская конференция. В этом году ее тема «Человек – домоправитель творения Божьего». В симпозиуме, в течение многих лет собирающем представителей разных конфессий ради всестороннего исследования православной духовной традиции, приняли участие епископы, священники, монахи и миряне, богословы и специалисты в области светской науки. Ежегодно на конференцию в Бозе приезжают представители Поместных православных церквей, католической церкви и протестантских деноминаций, в том числе профессора и преподаватели многих христианских вузов. Традиционно в этом симпозиуме участвуют и представители Свято-Филаретовского института и Преображенского братства.

Первый день конференции был посвящен богословским аспектам экологической проблемы. Митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас) размышлял о том, почему именно христианство способно дать ответ на экологический вызов современности. Христианство утверждает, что мир не вечен, его природа смертна и зависит от воли Того, Кто призвал его к бытию из небытия. Чтобы существовать, миру нужно быть в единении с Творцом. Бог создал мир по любви, Он не может «передумать», Он всегда желает его существования, но это не значит, что мир «обречён на выживание». Его существование — вопрос живых отношений с Богом, а значит, свободного выбора. Этот выбор осуществляется человеком. Человек — связующее звено между Богом и материальным миром. Человека отличает от животных способность творить, а значит, делать мир прекрасным и разумным, открывать ему вечное существование. Но у человека

На заседании конференции «Человек – домоправитель творения Божьего»

есть и другая возможность — разрушать мир, использовать его для достижения своих целей, тем самым утверждая его тленную смертную природу. Чтобы спасти мир от тления и смерти, человек должен привести его в общение с Богом.

Во второй день участники говорили об опыте монашества как особом способе жизни человека, который научился максимально бережно относиться к окружающей среде. При всем многообразии представленного опыта все докладчики были едины в убеждении, что монашеская традиция может дать ответы на современные вопросы о возможности гармоничного сосуществования человека и природы. В основе этого сосуществования — с одной стороны, состояние духовного восхищения и изумления Божьим творением, приводящее к постоянному благодарению за него, с другой — аскетика как опыт самоограничения, умения довольствоваться необходимым, преодолевать духи потребительства и жадности, лежащие в

основе нынешнего экологического кризиса.

Конечно, прозвучавшие доклады вызвали и много вопросов. Слушая рассказ о восстановлении Соловецкого монастыря как образа обновленного Божьего сада, невозможно было не спросить: как при этом духовно и практически удержать память о просиявших на Соловецкой земле новомучениках и исповедниках Российских? Что важнее: породить гармоническое единство природы и творений человека, некогда созданное на Соловках трудами многих поколений монахов, или сохранить непобеленными страшные стены карцера на Секирной горе, исписанные последними словами умирающих мучеников?

Третий день конференции был посвящён этике отношений человека с окружающей средой. Ключевыми для христианского понимания этой проблемы стали слова из послания апостола Павла к Римлянам: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих,

потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим 8:19–23).

Участники конференции говорили о том, как современное христианство может помочь страдающему миру исцелиться от его ран.

О евхаристии как благодарном возвращении Богу данного Им дара говорили ректор Киевских духовных школ архиепископ Бориспольский Антоний, архимандрит Иов (Геча) (Job Getcha). Евхаристия открывает путь преобразования мира, исцеления его от тления. Человек как священник творения берет в свои руки мир, чтобы принести его как жертву Богу, вернуть Отцу преображенный его творческими усилиями дар.

Человек связует дух и материю, видимое и невидимое, поэтому невозможно вылечить раненую землю, не вылечив раненую душу человека.

Завершая работу конференции, настоятель монастыря Бозе Энцо Бьянки отметил, что конференция дает возможность представителям различных церквей быть вместе в духе братства, слушать друг друга, обмениваться дарами своих церквей, что истоки экологического кризиса не в состоянии окружающей среды, а в сердце человека, а потому всем нам так важно являть пример подлинной христианской жизни.

Юлия Балакшина для Информационной службы СФИ

Полностью репортажи о заседаниях конференции можно прочитать на сайте Свято-Филаретовского института <http://sfi.ru>. Фото: Кирилл Мозгов
В этом и последующих номерах «Кифы» мы будем знакомить вас с интервью, которые дали нашей газете участники конференции.

В поисках свободы

Интервью с митрополитом Иоанном (Зизиуласом)

Начало на с. 1

А как Церкви отвечать на второй вызов, связанный с традицией?

Нужно истолковывать традицию Церкви с экзистенциальных позиций, а не просто слепо ее придерживаться; нужно анализировать, какие элементы традиции не являются абсолютно необходимыми, центральными, духовно важными, и потому ими можно пожертвовать, а какие элементы обязательно нужно сохранить. Это то различие, которое церкви необходимо проводить в наши дни, потому что сейчас в православной церкви есть смешение, путаница в вопросе о том, что в традиции является основополагающим, а что нет. Например, важно ли носить длинную бороду? Это абсолютно необходимо или нет? Для некоторых это крайне важно, для других нет. Я привёл только один пример, но таких примеров очень много, и нам важно эту ситуацию прояснить.

Вам известны реальные примеры таких ответов на вызовы

времени, будь то в книгах или, скажем, в жизни какого-нибудь прихода? Есть ли подобные примеры, встречались ли Вы с ними?

Я думаю, мы еще не пытались отвечать на эти вызовы. Не могу вспомнить ни одного примера. Я надеюсь, я всегда надеялся, что Всеправославный Собор займется этими вопросами и прояснит ситуацию. Не знаю, произойдет ли это, но это единственный выход, который я сейчас вижу. Других примеров того, чтобы кто-то решал подобного рода проблемы, сейчас просто нет.

Ну что ж, будем надеяться, что со временем такие примеры появятся.

Да, будем надеяться.

Каковы, по Вашему мнению, основные направления современной богословской мысли в православии?

К сожалению, православное богословие пока не нашло своего собственного

пути в современном мире и мы пока еще находимся под влиянием западного богословия. Мы тоже разделились на консерваторов и либералов, потому что это разделение произошло в западном богословии. И мы не обрели своего собственного, православного пути. Это то, что пытаются сделать некоторые из нас, включая и меня: найти не протестантский, не католический, но именно православный путь. Но это невероятно сложно. Православные богословы не выступают единым фронтом, и это плохо.

В Вашей книге «Бытие как общение», которую наше издательство опубликовало на русском языке, Вы говорите об общении как о неотъемлемом элементе мироустройства. Есть ли в церкви примеры такого общения? Я сейчас говорю не о причастии (приобщении) на литургии, но об осуществлении того, о чем Вы пишете в своей книге. Есть ли примеры этого в церкви?

Это очень хороший вопрос, потому что я считаю, что в церкви это представляет определенную проблему. Общение — это противоположность индивидуализма, но боюсь, что сегодня индивидуализм проник и в церковь. Результатом этого является, например, наш акцент на индивидуальном благочестии, что противоречит общению. В нашем понимании религия — это личное дело человека, а не дело общины или общества. Мы уже практически потеряли представление об общине в церкви. И та же проблема у нас с приходом: приход в церкви не работает, как и епархия. Поэтому в церкви так остро стоит проблема общения. Разумеется, в нашем богословии общение играет основополагающую роль, но в реальной жизни это не так, и поэтому нам так важно задуматься о своей жизни в церкви, исправить ее, исцелить, чтобы в ней было больше подлинного общения.

6 сентября 2012 г., Бозе.
Беседовала Анна Алиева. Перевод Игоря Феденко.
Фото Кирилла Мозгова

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru

Электронная версия газеты:
gazetakifa.ru

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова, Лариса Мусина

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д.29, оф.38);
в Санкт-Петербурге:
в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей
Москва:
+7-964-534-64-55 (Александра Ошарина),
+7-965-146-14-56 (Анна Гринман),
+7-965-128-15-07 (Марина Чиркова)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-1137 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-964-296-9042, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сущевский вал, д. 49.

Тираж 1300. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 27 сентября 2012 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 30 сентября 2012 г.

gazetakifa.ru

Церковь и общество

«Страшнее, чем Бухенвальд»

В галерее нижнего Храма Христа Спасителя проходит выставка «Non licet vos esse. Не должно вам быть». Это шанс узнать правду о Церкви после 1917 года и о начале гонений, о том, как ловко в прессе подбивали слова, чтобы оклеветать тех, кто верил во Христа, о том, что уже было пережито в наших городах и что ни в коем случае не должно повториться.

– Мама, почему ты плачешь?

В обходной галерее нижнего Храма Христа Спасителя молодая женщина в джинсах и синем платке смотрит документальный фильм о первых антицерковных процессах. На глазах – слезы. Сидящая рядом девушка реагирует на кинохронику молча, периодически покачивая головой и сжимая зубы: «Кто бы мог подумать, что с людьми обошлись так несправедливо, так жестоко!»

В книге отзывов на столике у входа – развернутые и очень эмоциональные записи: «Это страшнее, чем Бухенвальд!», «Не знала, что такое было», «Спасибо за правду!»

Экспозиция небольшая и по информативности очень концентрированная – немного документов и фотографий, афиши, копии судебных дел, тексты обращений и воззваний, списки репрессированных в 1922 году московских священников и мирян с краткими сведениями о них, немая кинохроника о взрыве Храма Христа Спасителя, 20-минутный документальный фильм о кампании по изъятию церковного имущества и первых судебных процессах против верующих.

Штрихов к «портрету эпохи 20-х» немного – но каждый глубоко ранит сердце и ставит лицом к лицу с ситуацией, которая была в нашей стране в 1920-х годах, когда церковных людей начали гнать, вещи из храмов конфисковывать, а тех, кто не был согласен молчать и противостоял клевете и воровству, – вызывать в суд, отправлять в тюрьмы или расстреливать на месте, подчас не давая близким даже возможности похоронить неугодных власти родных.

Страшный «девиз» эпохи, выбранный в качестве названия выставки, – «Не должно вам быть». Таким приговором римские императоры лишали первых

христиан права на существование. Можно сказать, что по тому же принципу христиан стали воспринимать и в нашей стране. «Не должно вам быть» – и точка. Кажется, вопрос был только в том, как именно церковных людей уничтожить.

Вдоль стен храмовой галереи – стенды с фотографиями и емкими недлинными статьями о том, как проходила антицерковная кампания в Шувее, Петербурге, Москве. Фактически эти тексты – расшифровка документального фильма, который можно посмотреть в самом конце экспозиции.

Найдите 20 минут – и попросите любезных и деликатных зрителей выставки включить вам это кино. Смотреть видео легче, чем читать, и ни один текст не заменит кадры кинохроники 90-летней давности.

«Голод», «Шуйское дело», «Процесс московских церковников», «Дело» митрополита Вениамина», «Итоги кампании», – в нескольких разделах представлена история начала гонений на Церковь. Эти кадры заставили плакать молодую женщину в синем платке, и не только ее. Вряд ли можно остаться равнодушным, когда тебя ставят перед лицом страшной реальной истории твоей страны и твоей Церкви.

В 20-х годах в стране наступил голод. В августе 1921 года был образован Всецерковный комитет для организации помощи голодающим, который на самом деле собирал существенные средства, но решением правительства был закрыт. Правительство решило забрать церковное имущество и издало Декрет об изъятии церковных ценностей. Целей было две: номинальная – помочь голодающим, более реальная – лишить Церковь возможности помогать и таким образом сделать ее менее привлекательной для людей. Важный момент: изымались в том числе и богослужебные предметы, которые использовались во время совершения Таинств, например, Потиры. Патриарх Тихон предлагал возмещать стоимость этих вещей, только бы они оставались в храмах и не подвергались осквернению, но в этом было отказано.

– Что доносится до Вас со всех сторон? – спрашивали Патриарха.

– Вопли.

Говоря о свободе, церковных людей притесняли; говоря о светлом будущем, отбирали у них имущество. В разных городах вооруженные красноармейцы наплевательски относились к сопротивлению людей – и не считались ни с чем, исполняя распоряжения правительства. В Шувее народ, узнав о готовящемся изъятии имущества, оставался после службы в соборе и на площади около него. Священнику предлагали сказать нечто, чтобы люди ушли, но он отказался: «Я не могу выгонять из храма молящихся». Изымать имущество в такой ситуации было невозможно, и к собору прислали 14 вооруженных красноар-

мейцев. Они открыли стрельбу: сперва – поверх голов людей, потом – по живым людям, своим соотечественникам.

Весной 1922 года в Москве начался первый антицерковный процесс. К ответу привлекли 54 священнослужителя, заседания – как ни странно! – проходили в Политехническом музее. 5 мая в качестве свидетеля был вызван Патриарх Тихон. Увидев вошедшего в зал Предстоятеля Русской Церкви, многие присутствующие в числе публики встали. Суд вынес 11 смертных приговоров; по прошению Патриарха, которое он адресовал лично Калинин, 6 из них были отменены. Святейший спас жизни шестерым людям, а сам был арестован и полностью изолирован от внешнего мира. По-особенному переживаешь все это, узнавая факты о Патриархе в галерее храма, в котором спустя несколько десятилетий Патриарх Тихон был прославлен в лике святых.

Справа от киноэкрана – подборка статей из «Известий» от 1922 года по поводу судебного процесса. Какой полный достоинства и внутренней целостности образ видим на экране – и насколько неприглядным персонажем предстает Патриарх в газетной статье. Сравнить свое впечатление, подлинные слова человека (тут же на столе – тексты патриарших обращений к духовенству этого года) и то, каким его пытаются представить в прессе, очень любопытно. Ясно видно, как работала пропаганда, какими бесчестными средствами добывались нужного «эффекта» те, кто решил, что Церкви «не должно быть».

В других статьях – информация о различных судебных процессах и событиях, о которых говорится в фильме, но только – опять же – в нужной интерпретации. Защищающие Церковь люди называются, например, «бывшая коммунистка» и «бывший эсер». «Бывший» – стало быть, плохой, слабый, непостоянный, раз отрекся от своих взглядов. Ответы в суде цитируются не полностью, может быть, цитаты вырваны из контекста (прием нам не знакомый) и дополнены разъяснениями (домыслами?) авторов статей.

Таких примеров на выставке найдется немало, и сегодня они особенно достойны внимания и анализа.

Итоги грандиозной антицерковной кампании были удивительно нелепы. Как сообщается в фильме, у Церкви было изъято имущество на сумму более 5 млн рублей, в то время как сами церковные люди для помощи голодающим добровольно собрали около 7 млн. Большая часть церковных предметов – в том числе богослужебных, в том числе редких по красоте и художественному исполнению вещей – были переплавлены. Деньги, полученные в результате кампании, по большей части пошли на оплату самой кампании (печать листовок, афиш, асигнования пропагандистам и так далее), частично – на поддержание сотрудников

правительственного аппарата (их зарплаты в этот период увеличились).

Состоялось около 250 судебных процессов, 10 тысяч человек в 1921–23 годах были репрессированы, каждый пятый – расстрелян.

Церковь оказалась лишена внешнего благообразия, зато многие люди стали осознавать, что для них действительно важно не внешнее, а внутреннее, то, ради чего умер Христос и для чего создал на земле Церковь. На место убитых священников пришли бывшие миряне (прихожане, помощники, сотрудники), которые приняли сан уже после революции (понимая, что это может стоить им жизни). Те, кто не принял сан, образовывали братства, собирались на квартирах, чтобы только сохранить церковный и христианский дух*.

После арестов священнослужителей большая часть рабочих (на которых делало ставку правительство) из Церкви не ушла.

Еще один горький «итог» кампании – уже не в фильме, а на одном из стендов: фото десятков прекрасных храмов, в подписях к которым рядом с каждым названием стоит короткое слово «разрушен». Мы потеряли живых людей, их знания и жизненный опыт, наши города навсегда утратили прекрасные храмы, их красоту и непередаваемую атмосферу молитвы, которая живет в старинных церквях.

Это хороший урок и повод задуматься. А выставка в Храме Христа Спасителя – шанс узнать свою историю и самому оценить, так или нет расставлены акценты, в том числе и в нашей сегодняшней жизни.

Экспозиция продлится до 29 сентября
Организаторы: Храм Христа Спасителя,
Культурно-просветительский центр «Преображение», Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта (г. Шуя).

Источник: «Татьянин день»

* В братском движении активно участвовали также священники и архиереи, достаточно вспомнить деятелей Alexandro-Невского братства или епископа Макария (Опоцкого) – прим. ред.

Православное образование

Защитились первые докторанты в Общецерковной аспирантуре

В Общецерковной аспирантуре и докторантуре имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия 4 сентября состоялись защиты первых докторских диссертаций. Успешными соискателями на ученую степень доктора богословия стали докторанты аспирантуры игумен Арсений (Соколов) и Владимир Катасонов, сообщает «Церковный вестник».

Одновременно начал работу Диссертационный совет Общецерковной аспирантуры, в состав которого входит 21 человек. Председатель Диссертационного совета – ректор Общецерковной аспирантуры и заведующий кафедрой внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион, ученый секретарь – проректор аспирантуры протоиерей Владимир Шмалый.

Представленные к обсуждению работы заслужили высокие оценки членов диссертационного совета. Труд Владимира Катасонова «Концепция актуальной бесконечности как место встречи богословия, философии и науки», защищенный по кафедре философии, показал, по мнению митрополита Илариона, «глубокие знания соискателя в областях философии, богословия и математики» и был квалифицирован ректором как «компетентное исследование на стыке разных дисциплин». Ведущая организация диссертанта – СПбДА. Официальные оппоненты: Геннадий Майоров, д-р филос. наук, заслуженный профессор философского факультета МГУ; протоиерей Димитрий Лескин,

кандидат богословия, д-р филос. наук; Геннадий Кулябин, д-р физ.-мат. наук, профессор.

Диссертационная работа игумена Арсения (Соколова) «Книга пророка Амоса: историко-филологическая, традиционная еврейская и святоотеческая экзегеза», защищенная по кафедре библеистики, стала шагом на пути к «нащупыванию» органического сочетания 2000-летнего опыта библейской экзегезы с творческим восприятием результатов современных научных поисков. Ведущая организация диссертанта – МДА. Официальные оппоненты: архимандрит Кирилл (Говорун), доктор философии; Андрей Десницкий, д-р филол. наук; Евгений Рашковский, д-р ист. наук.

«Современная экзегеза занимается реконструкцией самого археологически древнего пласта, из которого потом органично, как из корней дерева, вырастает позднейшая экзегеза, раннехристианская, святоотеческая, затем современная, – и такое видение задается в труде соискателя», – подчеркнул научный консультант игумена Арсения Михаил Селезнев.

По итогам заседания Диссертационного совета оба диссертанта единогласно признаны достойными соискуемых ученых степеней.

Благовест-инфо

«Пусть самая последняя из семей Господних, но наша»

Начало на с. 1

Исполнилось 120 лет со дня рождения и 70 лет со дня мученической кончины протоиерея Сергея Мечёва

Отец Сергей с общиной во дворе храма святителя Николая в Клённиках. Середина 1920-х годов

После возвращения с фронта Сергей Мечёв продолжил учебу в университете, занимался историей древнерусской литературы и русской церкви, изучал самостоятельного творения святых отцов.

Кроме того, он принимал участие в работе студенческого богословского кружка, организованного по инициативе епископа Арсения (Жадановского), наместника Чудова монастыря. По воспоминаниям участников кружка, Сергей заметно выделялся своей эрудицией и богословскими взглядами.

Сергей Мечёв принимал участие в работе Делегации Высшего Церковного Управления для защиты перед правительством имущественных и иных прав Православной Церкви (1918), а также присутствовал на Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 годов. Там и произошло его знакомство с патриархом Тихоном.

В 1918 году в журнале «Возрождение» была опубликована статья Сергея Мечёва «Внутренняя клеть» («Из забытых заветов Православия»). В то время подобные печатные работы, принадлежавшие представителям студенческой молодежи, были редкостью. «Нашей интеллигенции, оторвавшейся от прошлого церковного опыта и поплатившейся за этот свой грех, следует познать его общественную правду, следует опытно пережить духовный подвиг перерождения человека антиобщественного, греховного в подлинно общественного – духовно общественного. И лишь только в этом опытном переживании следует искать путей к нашему общему духовному возрождению и обновлению», – писал Сергей Алексеевич в своей статье.

Начало служения

Отец Алексей, безусловно, хотел, чтобы сын стал продолжателем его дела и избрал стезю священнослужителя. Патриарх Тихон также видел в Сергее Мечёве незаурядный священнический дар. Сам же Сергей Алексеевич медлил с принятием священства. После продолжительных колебаний решающей стала его поездка осенью 1918 года в Оптину пустынь, где старец Анатолий (Потапов) укрепил Сергея в решимости стать иереем. Возможно, самым главным доводом стало осознание того, что Церковь в России стала гонимой, оставшись в одночасье без большей части своей паствы.

Весной 1919 года, в Лазареву суботу, Сергей Мечёв был рукоположен во диакона, а 4 (17) апреля, в Великий четверг, епископ Феодор (Поздеевский), настоятель Свято-Данилова монастыря, рукоположил его во иерея.

Следующие десять лет своей жизни, с 1919 по 1929 год, отец Сергей отдал

служению в храме Святителя Николая в Клённиках на Маросейке.

С началом Гражданской войны отца Сергея вновь призвали в армию, но по слабости здоровья – в нестроевую часть. После демобилизации он вернулся в Наркомпрос, где работал с 1918 года, однако вскоре был оттуда уволен за то, что публично объявил о своем священстве. После увольнения отцу Сергию удалось устроиться в редакцию одного медицинского журнала, но спустя некоторое время он был вынужден уйти и оттуда из-за непосильного объема работы и полностью посвятил себя пастырскому служению.

То время было тяжелым. Как вспоминал А.А. Добровольский, прихожанин храма на Маросейке и духовное чадо отца Алексея Мечёва, «Москва умирала от голода и тифа». Однако, по его же словам, «это было время народных академий, лекций в храмах».

В Николо-Кленниковском храме отец Алексей и отец Сергей уделяли большое внимание беседам с паствой. Для многих прихожан такие беседы становились подлинным откровением.

1919 год ознаменовался и тем, что патриарх Тихон благословил создание маросейского братства (общины) – объединения верующих вокруг старца Алексея Мечёва. Община прихожан продолжала расти, и настоятель храма отец Алексей благословил создание внутри нее духовных «семей», во главе каждой из которых стояли опытные миряне, бравшие на себя часть пастырских обязанностей. Причем главами духовных семей могли быть и сестры. Такие семьи-группы собирались и по домам для совместной молитвы и духовного чтения.

В этом же году в храме появились совместные чаепития с молитвой. «Каждый из нас в какой-то период своей жизни переживает возрождение души. Это время забываемое и не повторяющееся. Разве могут забыть некоторые из вас, которые вместе со мной в 1919 г. ощутили здесь это возрождение от мертвой спячки души, когда здесь, в неоплодном храме, мы молились по 12 часов в сутки, а после проводили время в «агапах», т.е. духовных беседах, когда вы так чувствовали Бога, правду жизни в Боге? Это время забываемое и не повторяющееся, оно дается лишь однажды. Это в свое время испытал каждый, причем большую близость между собой как раз чувствуют те, кто одновременно пережили эту весну душ своих, одновременно пришли к Богу».²

Отец Сергей подчеркивал, что маросейская община – не только покаяльная, но и богослужебная семья.

Позднее, уже из ссылки он обращался в письмах к своим духовным чадам, напоминая о драгоценном опыте общей

жизни во Христе: «Понимали ли вы по-настоящему, что такое покаяльно-богослужебная семья? Сознали ли, как добро и красно жить вкупе с ней, исполняли ли свои обязанности по отношению к ней и отдельным ее членам? Или, связанные с отцом, вы зачастую отделяли себя от семьи, не служили ей, осуждали ее, поносили ее, забывая, что это наша общая семья? Пусть самая последняя из всех семей Господних, но наша. Господь сочетал нас в ней воедино: в ней мы родились духовно, в ней воспитывались, в ней купно живем, с ней, не иначе, пойдём и туда, к Богу».³

Сам термин «покаяльная семья» был взят им из «Древнерусского духовника». Еще в студенческие годы отец Сергей с воодушевлением слушал лекции профессора Духовной академии С.И. Смирнова и с большим вниманием изучал его книги «Духовный отец в древневосточной Церкви» и «Древнерусский духовник». По собственному признанию отца Сергея, эти труды оказали на него большое влияние.

В 1923 году отошел ко Господу старец Алексей Мечёв. Все попечение о пастве он передал своему сыну, отцу Сергию, которого прихожане Маросейки хорошо знали и любили. Однако он, не обладавший огромным пастырским опытом и прозорливостью отца, не мог заменить осиротевшей общине настоятеля. Тяжелые сомнения, осознание по-человечески непосильной задачи, слабое здоровье – все это натолкнуло отца Сергея на мысль оставить вверенное ему дело. «И я поехал в Холмищи за благословением на этот шаг. А случилось то, чего никогда не случалось: я не мог доехать – не было переправы, не было лошадей. Впервые я вернулся, не добравшись до Холмищ. За этот день, который пробыл в одиночестве, ощутил совершенно ясно, что не имею права бросать порученное мне дело. Пусть напрасно расходуются силы, пусть раньше времени истратятся здоровье и окончится жизнь – со своего поста не смею уходить. Как бы тяжело мне ни было, каким бы трудным, а подчас и бессмысленным ни казался мне труд, буду продолжать его до конца, пока не прекратится он по воле Божией...», – вспоминал отец Сергей.

Арест и ссылка

29 октября 1929 года протоиерей Сергей Мечёв был арестован вместе с двумя другими священниками и несколькими прихожанами Маросейки. Его обвинили в создании «антисоветской группы» духовных детей. Вскоре отца Сергея приговорили к ссылке в северный край. Спустя месяц после ареста, 26 ноября 1929 года, он прибыл в Архангельск, где его приютила у себя на квартире одна из духовных дочерей Клавдия Тимофеевна.

В начале 1930 года отец Сергей переехал в город Кадников в нынешней Вологодской области, где жил у церковного старосты Александры Константиновны Шоминой. Отсюда он написал шесть общих писем к членам маросейской общины.

В 1932 году арестовали и матушку Евфросинию Николаевну, у которой осталось на руках четверо детей. Ее также сослали в Кадников, но ей довелось отбыть лишь незначительную часть срока рядом с отцом Сергием.

В том же году был закрыт и разорен храм святителя Николая на Маросейке, который вплоть до 1990 года был подсобным помещением.

Отец Сергей, воспитанный на храмовом благочестии, тяжело переживал то обстоятельство, что после ареста он не мог совершать служб и молиться в храме. С другой стороны, он осознавал, что положение дел изменилось и наступило время для возрастания в новой – внехра-

мовой – молитве. «Войдем, родные, и мы в клеть душ наших, войдем в храм наш душевный, посвященный Господу еще в момент крещения и освященный Им в момент первого причащения. Храм этот наш никто никогда не сможет разрушить, кроме нас самих. В нем мы, каждый – иерей и кающийся, жертвенник его – сердце наше, и на нем мы можем приносить всегда в слезах наше великое таинство Покаяния. Трудно нам, запустившим наш храм невидимый и недостойно жившим только храмом видимым, принять от Господа новый путь спасения. Восплачем и возрыдаем, но не слезами отчаяния, а слезами покаяния, и примем все, как заслуженное», – писал отец Сергей в связи с закрытием храма.

Своего пастыря, находившегося в ссылке, навещали духовные дети – Елена Владимировна Апушкина, Татьяна Ивановна Куприянова, Мария Николаевна Соколова (будущая монахиня Иулиания) и другие. Благодаря им отцу Сергию удавалось поддерживать связь с общиной. В свое отсутствие он благословил нуждающихся в духовной поддержке братьев и сестер маросейской общины обращаться именно к Марии Николаевне как своей верной и преданной ученице.

7 марта 1933 года отец Сергей снова был арестован и отправлен в Вологодскую тюрьму, затем получил временное разрешение жить вне тюрьмы на частной квартире.

1 июля «тройка» Полномочного Представительства ОГПУ Северного края приговорила отца Сергея к пяти годам лагерей по обвинению в «антиколхозной агитации». Последовали непосильные работы на лесозаготовках. «За ударный труд» ему сократили срок на один год, и летом 1937 года протоиерей был освобожден из лагерного заключения.

Тем не менее, отцу Сергию было по-прежнему запрещено въезжать в Москву и ряд крупных городов. Его семья проживала на станции Сходня под столицей. На некоторое время там нелегально поселился отец Сергей, после чего устроился отоларингологом в одну из поликлиник города Калинина (Тверь). В 1938–1939 годах он снимал жилье в разных местах под Калинином. В начале 1940 года отец Сергей переехал в Рыбинск. Арест представлялся неотвратимым, и священнику советовали уехать в Среднюю Азию. Тем не менее, дорога стала бы для его здоровья непосильным испытанием, и отец Сергей перебрался в деревню Мишаки под Тутаевом.

7 июля 1941 года, в день Рождества Иоанна Предтечи, священник был арестован и оказался в застенках Ярославского НКВД. После четырех месяцев допросов, 22 ноября 1941 года, его приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в ночь на 6 января 1942 года. Чин отпевания протоиерея Сергея был совершен после того, как удалось в неофициальном порядке узнать в Центральном архиве КГБ о его гибели.

В 1989 году дети отца Сергея обратились в прокуратуру с заявлением о его реабилитации. В результате по приговорам 1929 и 1933 годов, вынесенных тройками ОГПУ, отец Сергей был посмертно реабилитирован.

Материал подготовила Алина Патракова

¹ Из четвертого письма к общине, 1930 год.

² Из проповеди отца Сергея (6 мая 1927 года).

³ Из пятого письма общине из ссылки, 1930 год.

Еще раз о славянофилах

Сто лет назад, в 1912 году, вышла из печати книга Н.А. Бердяева, посвященная Алексею Степановичу Хомякову. Насколько разрушены оказались ныне и в нас, и в современной церковной жизни нити традиции, если очень и очень многим православным сегодня так трудно поставить эти два имени рядом! Тем не менее, это необходимо сделать, если только мы и вправду хотим наследовать всю глубину и полноту собственного предания, а не разрозненные, разобранные каждым по отдельности в зависимости от своих личных пристрастий обломки и осколки. Именно поэтому мы вновь и вновь обращаемся и к наследию славянофилов, и к откровениям русского религиозного возрождения, и к опыту новомучеников и исповедников...

А.С. Хомяков

Явление славянофильства – одно из драгоценных явлений, которое можно отнести к духовным победам России.

Именем «славянофилы» с юмором наградил движение поэт Батюшков: мол, славян любят. Термин прижился, но он не отражает основной интенции этого движения, сразу вызывая школьные ассоциации: противостояние западников и славянофилов. Совсем другой акцент слышен в книге Н.А. Бердяева «Алексей Степанович Хомяков»: «Хомяков – рыцарь православной церкви». А ведь именно А.С. Хомяков вместе с И.В. Киреевским и братьями К.С. и И.С. Аксаковыми считаются основоположниками движения.

Славянофильство появилось как реакция на увлечение немецкой философией в середине – второй половине XIX века. Славянофилы вышли из-под очарования немецкой философией и стремились противопоставить ей традиционный христианский взгляд на человека и его задачи. Во времена Хомякова такая позиция требовала мужества едва ли не большего, чем теперь. До такой степени «интеллигентский» толерантный взгляд на жизнь был нетерпим к твердому выражению веры, особенно если вспомнить, что современниками Хомякова были Герцен и Огарев, «отцы» русской революции.

Хомяков, анализируя исторические пути христианских народов, приходит к выводу, что «запад не смог решить духовные проблемы человечества, так как увлекся конкуренцией и пренебрёг коопераций». Он считал, что духовные проблемы человечества способны решить только христианство, а не внешний переворот: «Все, что благородно и возвышенно; все, что исполнено любви и сочувствия к ближнему; все, что основывается на самоотречении и пожертвовании, – все это заключается в одном слове – христианство»¹, – утверждал он.

Что касается любви к славянам, то он, как истинный сын своего отечества, горячо любивший родину, видел, что единственно правильным для нее путем может быть только христианский путь, в России он видел возможность такого пути и в этом видел призвание России. Хомяков не был идеалистом, он хорошо оценивал настоящее положение вещей. Его отношение к современному ему положению родной земли раскрыто в стихотворении, которое так и называется – «Россия» (за это произведение Хомякову пришлось претерпеть большую немилость со стороны властей):

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!
...С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

(1854 г.)

Именно А.С. Хомякову мы обязаны воспоминанием качества соборности Церкви, частично утраченного в течение

веков в поисках внешней кафоличности. По мысли Хомякова, основное положение духа – «свобода в единстве, и единство в свободе» – должно осуществиться в Церкви. Только свободный человек способен стремиться к единству и являть его. Единство, основанное на насилии, не является церковным единством. В этом смысле он видел поврежденность католической и протестантской церквей: он считал, что «Рим сохранил единство ценой свободы, а протестанты обрели свободу ценой единства»². В православии, если не в ортопраксии³, то в ортодоксии⁴, он видел сохранение этого измерения церковности. Отсюда, из этих основных положений, вытекает его полемика с западом.

В последующие годы особенное внимание раскрытию понятия соборности уделил Н.П. Аксаков, представитель второго поколения славянофилов, в своем труде «Духа не угашайте». В нем он противопоставляет общепринятому в то время мнению, что церковь состоит из учащего духовенства и благочестивых мирян, получающих наставление в вере на частной беседе со священником, другой взгляд на Церковь. Аксаков утверждает, что Церковь не может состоять из разрозненных людей, она должна представлять собой целое. Он напоминает, что само понятие «духовенство» является буквальным переводом протестантского понятия «Geistlichkeit» (нем.) и введено Петром I вместе с духовным сословием. Слово это, как и само духовное сословие, подчеркивает, что в церкви есть люди духовные и недуховные, которые, строго говоря, уже и не совсем церковь. Аксаков напоминает, что традиционно задачей священников считалось окормление народа Божьего как целого, забота о церкви. Священник – это пресвитер, предстоятель. Предстоятель чего? – Церкви. И дар учительства дается именно для того, чтобы созидать Церковь как целое. Но где она, если она состоит из разрозненных людей? – спрашивает Аксаков. Ведь если благочестивые христиане приходят для частной беседы со священником, то понятно, что эта беседа будет иметь частный характер, будет иметь предметом личную жизнь этого благочестивого христианина.

Утерев соборность, особенно с петровских времен, церковь потеряла свою силу, способную противостоять этому миру, способную быть в нем закваской через соработничество со Христом, открытость и экзистенциальную напряженность своей жизни, – полагает Аксаков. Эти последние качества господин Тихомиров, на письмо которого отвечает Аксаков, берет под подозрение. По мнению Тихомирова, лучше открытые враги церкви, чем те, которые вместо того, чтобы с благоговением приходили для поучения на частные беседы со священником, чего-то все ищут и чего-то хотят. Аксаков напоминает, что Царство Божие, по слову Христа (Мф. 13.33), «подобно закваске, которую взяла женщина и положила в три меры муки, доколе не вскисло всё». Закваска – это то, что квасится, бурлит, а не стынет. Все застывшее – не есть Дух Божий, не есть Церковь. И потому бур-

ление в сердцах и умах людей должно быть принято и воцерковлено в первую очередь церковью.

Особого внимания заслуживает жизненный путь многих славянофилов, в том числе упомянутых уже Хомякова и Аксакова, явивший те качества, которые они искали, что доказывает их возможность и жизнеспособность: верность, нравственность, соборность.

В воспитании А.С. Хомякова и его брата Федора огромную роль сыграла глубокая вера их матери, Марии Алексеевны. Н.А. Бердяев пишет, что «когда Алексея Степановича с братом привезли в Петербург (из Москвы), то мальчикам показалось, что они в языческом городе и что их заставят переменить веру. Братья Хомяковы твердо решили лучше претерпеть мучения, чем принять чужой закон»⁵. Интересная деталь: мать взяла с сына клятву сохранять целомудрие до брака и он эту клятву выполнил. То, что это стоило ему значительных усилий, свидетельствуют немногие его лирические стихи, в том числе строки его стихотворения «Признание»

Досель безвестны мне любовь
И пылкой страсти огонь мятежный;
От милых взоров, ласки нежной
Моя не волновалась кровь».
...
Бывало, в жилах кровь взыграет,
И страха, радости полна,
С усильем тяжким грудь вздыхает;
И сердце шепчет: вот она!
Но светлый миг очарованья
Прошёл, как сон, пропал и след:
Ей дики все мои мечтанья
И непонятен ей поэт.
Когда ж?... И сердцу станет больно,
И к арфе я прибегну вновь,
И прошепчу, вздохнув невольно:
Досель безвестна мне любовь.

В 1836 году в возрасте 32 лет А.С. Хомяков женится на Екатерине Михайловне Языковой, сестре поэта Николая Языкова. «Это был на редкость счастливый, безмятежный, безупречный брак, – пишет Бердяев. – Хомяков был счастливцем в своей семейной жизни. Да и не могло у него быть иначе, иначе жизнь его не была бы столь органической»⁶.

То, что Н.А. Бердяев называет органичностью, на христианском языке называется целостностью, когда мысли, слова и дела представляют единое целое. Это не качество характера, а духовное свойство, которое приобретается большим трудом, подвижничеством, о котором позже в 1905 году писал Сергей Николаевич Булгаков в статье «Героизм и подвижничество». В этой статье он, как и Хомяков, предсказывал России беснование, если она не пойдет по пути подвижничества. «Интеллигенция отвергла Христа, – пишет Булгаков, – она отвернулась от Его лика, исторгла из сердца своего Его образ, лишила себя внутреннего света жизни и платится, вместе со своей родиной, за эту измену, за это религиозное самоубийство»⁷.

«Любовь к свободе была одним из корней существа Хомякова. ... И вся жизнь его была проникнута ненавистью к принуждению и насилию, верой в органическую свободу, в ее благодатную силу. Вся славянофильская доктрина Хомякова была учением об органической свободе. Организм для него всегда был свободен, лишь механизм принудителен»⁸.

Однако свобода для Хомякова не была ни в коей степени связана с произволом. Он был современником декабристов и их восстания не одобрил. «Князя А.И. Одоевского Хомяков уверял, что тот не либерал, а лишь предпочитает самодержавию тиранию вооруженного меньшинства. Движение декабристов представлялось ему не национальным. И удивительно, что этот критический и наполовину лишь справедливый взгляд, – пишет Бердяев, – сложился у Хомякова еще в годы юности»⁹.

Он имел веру в церковь даже тогда, когда реалии церковной жизни не внушали больших надежд, он брал на себя ответственность за себя, за семью, за Церковь, за народ.

В личности А.С. Хомякова сочетается необычайно редкая яркость, одаренность с нравственной целостностью и верностью, что обычно считается несовместимым. Было бы больше таких примеров – история наша могла бы пойти по другому пути. Хотя, несмотря на всю выдающуюся натуру, его не очень-то любили и в церкви, и в государстве. Парадоксально, но «официальная власть всегда относилась к славянофилам подозрительно, хотя славянофильство было единственной приличной идеологией власти», – пишет Бердяев¹⁰.

Опыт его и его друзей и соратников переняли немногие. Они не создали той соборности, в которой видели основу возрождения Церкви, и Россия не пошла путем веры христианской. Но... они дали живой побег, подобный тому, который в Ветхом Завете именуется пророками остатком. За первыми славянофилами было второе поколение. Все они отличались большой образованностью и глубоко нравственной жизнью. Вдохновляясь их учением и примером жизни, творили Ф.М. Достоевский, Владимир Соловьев, о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков, во многом сам Николай Бердяев.

И сегодня, знакомясь с основными идеями славянофилов, можно видеть их непреходящую актуальность.

Александра Ошарина

¹ Режим доступа: <http://www.bogucharovo.ru/homyakov.php>.

² История русской философии, Николай Лосский ISBN 978-0823680740 с. 87.

³ Фактическая жизнь православной церкви (прим. автора).

⁴ Учение православной церкви (прим. автора).

⁵ Хомяков А.С. Избранное. Подг. текста О.М. Сторожко. – пос. Октябрьский, Ленинский район, Тульская область, 2009 г. С. 4.

⁶ Н. Бердяев. Алексей Степанович Хомяков. Режим доступа: http://az.lib.ru/h/homyakov_a_s/text_0130.shtml.

⁷ Режим доступа: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html>.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Это то, что никогда «само собой»

8-9 сентября в Культурно-просветительском центре «Преображение» прошла Школа церковно-общественных инициатив. В течение двух дней её участники, 114 человек, говорили о последствиях советского «эксперимента над человеческим материалом», пытались вместе найти пути преодоления и увидеть место церкви на этих путях. Мы задали участникам встречи несколько вопросов по одной из обсуждавшихся тем.

1. Сейчас многие люди воспринимают попытки осуждения преступлений советского режима как очернительство, отрицание чего бы то ни было доброго во всей нашей истории. Что бы Вы ответили на это?

Свящ. Георгий Кочетков

Священник Георгий Кочетков, духовный попечитель Преображенского братства:

Я думаю, что это духовная болезнь, рожденная в том числе и тем, что в советское время называли бы «кэпбэшной провокацией». Нам всем нужно хорошо понимать, что если уж мы живем в мире, лежащем во зле, то чтобы не стать источником зла, его носителем и служителем, надо очень хорошо различать, где добро, а где зло. И если человек отказывается от этого, он играет на стороне зла – «за змея», а не за Бога. Поэтому нужно очень правильно давать оценки всему тому, что делаешь или собираешься делать сам, так же как и тому, что происходит вокруг тебя, или было до тебя, или будет происходить в твоей жизни и в мире в будущем.

Анна Ильинична Шмаина-Великанова, преподаватель СФИ и РГГУ:

Когда-то Ходасевич поправлял Пушкина (которого любил больше всего на свете), говоря, что «тмы низких истин мне дороже / нас возвышающий обман» – это ошибка. Не бывает низких истин и высоких обманов. Бывают только высокие истины и низкие обманы. Поэтому даже если бы наша история была беспроблемна, как история, скажем, Албании или Казахстана, даже если бы в ней не было ни Пушкина, ни Мусоргского, ни всех других гениев и пророков, – все равно правда о ней была бы возвышающей и прекрасной, а ложь о ней – низкой и темной. Но учитывая, что наша история удивительна (как говорил Пушкин, «я ни за что не желал бы иметь другую историю»), а история советского периода, история XX века связана с жизнью святых мучеников, исповедников, гениев, пророков, о которых никто не узнал бы, если бы мы не рассказывали о том, как и почему они пострадали, то это вообще очень странный вопрос.

Владимир Лавренов, директор филиала РГГУ в г. Твери, кандидат исторических наук, руководитель группы Церковно-общественных инициатив Преображенского братства:

Люди просто плохо знают историю. Кроме того, к сожалению, история у нас

Владимир Лавренов

идеологизирована настолько, что разобратся в том, где очернительство, а где правда, довольно трудно даже человеку профессионально подготовленному. Дело в том, что история всегда субъективна, объективной истории не бывает. В какой-то степени на объективность человека влияет его религиозность, культура, качество его образования. Чем более человек образован, чем более он религиозно укоренен, а не эмоционально ангажирован, тем у него более объективный взгляд на историю. Что касается советской истории, в основном она мифологизирована, а с мифами расставаться всегда тяжело: любой филолог или историк культуры вам скажет, что ничто так глубоко не проникает в сознание, как миф.

Давид Гзгзян, зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики СФИ, член Межсоборного присутствия РПЦ:

Люди, которые верят в то, что за упомянутый вами мрачный период отечественной истории происходило нечто доброе, должны были бы быть больше всех заинтересованы в том, чтобы отделить доброе от преступного. Признав же нечто преступным, это можно только осуждать. Стремление выявить и осудить преступное начало в собственной истории кажется совершенно естественным, и особенно естественным для христиан, потому что нераскаянный грех – это то, что ставит барьер между человеком и Богом и подавляет в человеке то самое доброе начало, о котором, казалось бы, пекутся противники идеи осуждения преступного прошлого. Но есть и ещё одна проблема в том, что называется добрым, прогрессивным, светлым в течение этого периода. К сожалению, там много мифологизации. Если внимательно присмотреться к таким привычным клише, как создание мощной тяжёлой индустрии, победа в войне, полет в космос, ликвидация безграмотности, всеобщее среднее образование, широкая сеть вузов, доступная медицина, мы увидим не совсем то, что бросается в глаза при поверхностном взгляде. Так, тяжёлая промышленность не обслуживала хозяйственные нужды, это была в основном военная тяжёлая промышленность, причем далеко не всегда конкурентоспособная. Победа в войне далась такой ценой, что очевидно была достигнута вопреки существовавшему режиму, а отнюдь не благодаря ему. Полет в космос – замечательное технологическое достижение, но если вспомнить, какой ценой для народа, каким напряжением это давалось и какой небольшой практический (а не пропагандистский) результат это имело, то, опять же, это сложно считать достижением. То, что образование в состоянии было деградировать так быстро, свидетельствует само за себя, доступность же медицинских услуг тоже была вполне мифическая, хотя бы потому, что существовала «медицина для избранных» и «медицина для всех остальных». Качество же подготовки медицинского персонала всегда было ниже европейских аналогов и ниже того, чем располагала дореволюционная Россия. Даже знаменитый балет создавался в основ-

ном на дореволюционном основании, просто школа русского балета потом беззастенчиво была названа советской...

Игорь Корпусов, действительный член Русского географического общества, преподаватель Тверского университета и СФИ, организатор экскурсий в мемориальный комплекс «Медное»:

Я считаю, что это необоснованно. Если внимательный человек всматривается в свою жизнь, замечает в ней темные, нехорошие моменты, за которые ему стыдно, – это же не значит, что он очерняет свою жизнь. И видеть свои грехи – это не значит отрицать доброе. У любого вдумчивого народа должна быть точно такая же позиция. Если мы ошибались, совершали преступления, то это надо признавать. Мне кажется, что поверхностная позитивность по отношению к своей истории – проявление слабости, пустоты жизни, нужда в постоянном самооправдании. Потому что признать свою вину, попросить прощения может только сильный человек. И без этого идти дальше подчас невозможно, прошлое цепляет. А многие люди по ошибке считают это проявлением слабости, унижения. Это говорит только о том, что христианские, православные корни нашей культуры утеряны. Их нет. Они потеряли для большинства людей в нашей стране свою актуальность. Покуда это так, подобного рода разговоры возможны.

Юлия Балакишина, доцент РГПУ им. А.И. Герцена (СПб), преподаватель СФИ (Москва):

Ответ на этот вопрос, как правило, требует разговора с каждым конкретным человеком, какого-то ухода в глубину его жизни, выстраивания взаимных отношений, потому что чаще всего подобного рода позиция является следствием некоей идеологической пропаганды, какой-то обработки, которой человек подвергается, так или иначе, со стороны средств массовой информации. Отвечать на такие вещи лозунгами, устраивать «борьбу лозунгов», которыми мы будем бить друг друга по голове, нельзя. Здесь каждый раз требуется общение, встреча, которая может быть на той глубине, на которой люди способны услышать друг друга.

2. Почему нам нужно стараться понять, что было не так в эти 70 лет? Может быть, махнуть рукой и забыть? Зачем «расковыривать болячки»?

Священник Георгий Кочетков:

Это то, что никогда «само собой» не зарастет. Всё это не «болячки», не то, что как бы причиняло боль, а потом мы здорово и заросло корочкой, которая потом отпадет сама, и всё будет хорошо. Это абсолютная иллюзия! Тот, кто так говорит, повторяю, или духовно болен, или заражен провокационными проделками известных органов. Одно из двух, потому что такого рода рассуждения – чисто идеологические. Они снимают проблему совести, проблему выбора, отнимают у человека возможность стать человеком, покаяться в том, что было плохим, для того, чтобы что-то могло улучшиться. А то, что было плохо, слишком очевидно. Если мы не попробуем это прошлое преодолеть, во всем мире никто никогда не будет признавать нас за нормальных людей. На нас будут смотреть веками как на «империю зла». Мы что, хотим быть изгоями в мировом пространстве? А внутри своей собственной страны – мы что, хотим, чтобы она как была разрушена, так и лежала бы в разрухе на протяжении обозримого будущего, если русский народ был практически уничтожен, и сделано всё, чтобы на этой земле не было никаких преемников и

наследников культуры, духовности, великой истории, великого творческого и личностного подвига народа? Мы что, хотим, чтобы наша страна превратилась в китайскую или чью-то иную колонию, или только экономический придаток, или какую-то разбойничью шайку? Надеюсь, что нет.

Анна Ильинична Шмаина-Великанова:

Вряд ли сейчас есть люди, которые не знают известного психологического феномена: то, о чем мы не хотим вспоминать, «загоняя внутрь», влияет на нас гораздо сильнее, чем то, что мы обсудили, выговорили. Например, человек пережил тяжелую травму, унижение, насилие и об этом никому не рассказывает. У него

Анна Шмаина-Великанова

образуются невроты или даже психозы, а если нет (например, это сильный, здоровый духом человек, верующий, который не поддается неврозам и психозам, потому что у него есть лекарство в виде исповеди и причастия), то он физически начинает болеть. Если он эту травму, в которой даже не виноват, и поэтому не может её на исповеди рассказать, не обдумает, не обсудит с другими людьми, не назовет словами, у него начнется астма, заболевание дыхательных путей или почечное что-нибудь... Это не я придумала или открыла, это общеизвестные факты.

Совершенно то же самое происходит с обществом. Ложь и замалчивание породили гниение, названное «застоем»; термин этот, кстати, медицинский: застой обычно бывает в легких. Остановить ход времени мы не в силах, но вот, случился застой в нашей истории... Это означает, что общество и церковные институты, не отделённые от него Китайскою стеною, загнав внутрь революцию, Гражданскую войну, сталинский режим и его последствия, тяжело заболели и больны сейчас. Мне кажется, что именно сейчас этот «гнойник тоски» начал в некоторых аспектах вскрываться, но как уродливо и глупо это протекает!

Владимир Лавренов:

Позиция нашей группы Церковно-общественных инициатив не в том, чтобы «расковыривать болячки». Мы ставим своей целью помочь людям обрести трезвую память, потому что человек с нетрезвой памятью вообще-то не очень здоров. Последние двадцать лет жизни нашей страны показывают, что у людей есть некая ностальгия по достаточно примитивным вещам, которые вряд ли имеют укоренение в реальности, – по дешевой колбасе, бесплатным путевкам к морю, дешевой водке и так далее. Однако социальными возможностями советского времени пользовалась довольно небольшая категория людей. Абсолютное же большинство никакими благами не пользовалось. Я, например, жил в советское время и ни разу не ездил по бесплатным путевкам. Это же я могу сказать о своих родителях, бабушках (дедушки все погибли на войне).

Кроме того, наша задача в том, чтобы давать не политическую, а духовную и нравственную оценку советского режима как режима богоборческого в первую очередь, режима антирелигиозного,

не зарастет

создающего иную среду и иное духовное пространство, в котором человек просто погибает.

Ничего подобного вся человеческая история на протяжении всего времени не знала. И мы должны понимать, что было величайшее откровение мрака и тьмы, но и величайшее откровение света – тоже беспримерное, ничего подобного не было во всей христианской истории после апостолов.

Давид Гэгзян:

Это приблизительно то же, что для человека означает тот разворот в его жизни, который в Церкви принято называть покаянием. Странно задавать вопрос: «Зачем оно вообще нужно, зачем обращение к Богу?» А больше всего мне удивительно, что подобные вопросы могут задаваться в церковной среде. Если мы отвлечемся от Церкви и переклочимся на общественное сознание, то это необходимо, чтобы просто привести себя в чувство, вернуть себе нормальное духовное, душевное расположение. Мы – общество крайне дезориентированных людей, и это заметно на всех уровнях общественного сознания от самых верхов элиты и донизу. Достаточно сказать, что в практической жизни наше общество не привыкло ценить сам факт обитания в своей стране, на своей территории. А те идеологические скрепы, которыми искусственно поддерживается лжепатриотизм на тему «мы великие», говорят о том, что на самом деле внутренне людей со своей страной почти ничего не связывает. Мы не очень понимаем наши перспективы. Это, если прислушаться, достаточно откровенно говорят и власть предержащие, и простые люди. Другой вопрос, какие выходы из этого ищутся. Человеку свойственно искать что-нибудь незатейливое. И от этой простоты рождается желание возложить ответственность на кого-то. Скажем, народ считает, что за всё ответственна власть, которая в целом представляет собой собрание людей довольно случайных и довольно посредственных (потому что во власть за 70 советских лет целенаправленно отбирались люди

Давид Гэгзян

посредственные, неспособные к самостоятельному мышлению и личной инициативе, но готовые подчиняться и исполнять любое, даже безумное решение). А власть, в свою очередь, не очень адекватно себя видит и тоже по-своему винит народ, с которым ей «не повезло». Все эти ощущения, которые нередко высказываются вслух, выдают состояние смятения, дезориентации, даже неспособности сформулировать, чего же собственно мы хотели бы (кроме свойственного всякому человеку утопического желания поселиться у молочных рек с кисельными берегами). Если же говорить серьезно, то оказывается, что мы удивительно мало-мощны в способности сколько-нибудь

внятно сформулировать серьезные, при этом хотя бы простые вещи в качестве своих устремлений, приоритетов жизни. Известно, что мы – самый жалующийся на свою жизнь народ, что бы ни происходило. А это неправильно.

Игорь Корпусов:

Это прошлое не ушло. И просто забыть и махнуть на него рукой – вещь бесперспективная. Оно все равно заявит о себе. Мы часто живем плохо, нам очень многое не удается, и мы зачастую не понимаем почему. Анализ, внимание к своему прошлому дает на это ответ. Но дело не только в этом.

В этот период погибло огромное количество наших соотечественников. Проявить по отношению к ним память – значит проявить милосердие и солидарность по отношению к людям, которые не заслужили смерти и таких страданий. В XX веке нас научили смотреть на человека утилитарно, потребительски. Государство именно так смотрело на своих граждан. Ему обязательно от человека было что-нибудь нужно: если нет пользы, то нет и внимания. А в христианстве все должно быть по-другому. Если мы забудем эти жертвы, если мы откажемся отдавать этим людям долг памяти и милосердия, то это, конечно, повлияет и на нас самих. Отношение к памяти ушедших – это один из показателей того, как общество относится к человеку, ценности его личности.

Юлия Балакшина:

Это известные стереотипные утверждения, с которыми мы сейчас часто встречаемся. Однако мы не можем отрицать, что мы существуем во времени, в истории, и более того – как христиане за эту историю отвечаем. Я вспоминаю, что С.С. Аверинцев любил размышлять о формуле «при Понтийстем Пилате», вошедшей в Символ веры. Для подвига Смерти и Воскресения Христа только на первый взгляд не очень важно, в какой именно исторический момент, при каком римском правителе это свершилось. На самом же деле это вхождение Христа в историю, преобразование истории изнутри принципиально важно. Это дар, который дан нам Самим Христом. Если мы, ученики Христовы, откажемся от истории, выйдем из нее, то она так и останется неисцеленной, непреображенной. Поэтому отказ от прошлого – путь и античеловеческий, и антихристианский.

3. В чем церковное значение этой деятельности?

Священник Георгий Кочетков:

Это вопросы духовные. И их нужно перевести из плана идеологического на свою естественную почву: на почву духовную, церковную. Церковь должна осознать это всё и показать всему народу, и быть убедительной в своем свидетельстве, в своем слове, действительно показывать пример различения добра и зла и способности идти путем добра, путем познания истины, воплощения Божьих даров, ради того, чтобы Божий свет распространился на всех.

То есть от каждого лично требуется раскрытие Божьего дара?

Конечно. И то, что нужно, – это снова перевести людей на верный «режим жизни». Люди сбились. На современном техническом языке можно было бы сказать, что произошел системный сбой. Это именно системный сбой, катастрофа, русский холокост, причем беспримерное в истории явление. Ничего подобного вся человеческая история на протяжении всего времени не знала. И мы должны понимать, что было величайшее откровение мрака и тьмы, но и величайшее откровение света – тоже беспримерное, ничего подобного не было во всей

Юлия Балакшина

христианской истории после апостолов. Потому что такого явления святости, и свободы, и любви, и мужества, и веры больше в истории не было.

Из всего этого мы должны делать соответствующие выводы и внутри Церкви, и в обществе, и для себя лично, для своих близких и ближних.

Анна Ильинична Шмаина-Великанова:

Я думаю, что один из важнейших даров церковной жизни – это вечная память, литургическая, то есть настоящая. Человек, который был замучен, от которого (возьмём крайний предел) не осталось человеческой памяти родичей и друзей, у него нет могилы и имени его мы не знаем – он нигде не живет, кроме памяти Церкви. Поэтому если общество, вспоминая, исправляя эти язвы, делает это для себя, иначе оно не сможет продолжать существовать, то Церковь служит самим этим людям, жертвам, мученикам.

Владимир Лавренов:

Это борьба за человека, за его сердце, его память. Как писал когда-то академик Сергей Сергеевич Аверинцев, есть «культура стыда» и «культура совести». Для восточных деспотий характерно стыдливое умалчивание каких-либо не очень приятных в прошлом сюжетов, связанных, например, с собственными национальными поражениями. А есть культура совести. Она более характерна для западных цивилизаций, в которых признаются ошибки и происходит движение вперед. Мне кажется, что в России будущее за культурой совести, а не за культурой стыда.

Давид Гэгзян:

Церковное значение этой деятельности прежде всего в том, что восстанавливается церковная инициатива в общественном движении и общественном устройстве. Это возможность для Церкви всерьез и положительно влиять на общественные процессы, не претендуя ни на какие подмены государственных или независимых общественных структур. Это именно желание внести свою лепту. И кроме того, это выражение особой церковной ответственности за судьбы людей, потому что Церковь по своему призванию – это такое сообщество, которое облечено сугубой ответственностью за судьбы людей, и, следовательно, за жизнь и будущее каждого отдельного человека. Это касается не только таких высоких и глубинных материй, как спасение, преобразование, обожение, но и вполне, на первый взгляд, приземленных, таких как нормализация общественного климата, оздоровление общественного сознания, что тесно связано с задачей миссии, катехизации, покаяния.

В том числе, и за советское прошлое?

Ну, а поскольку советское прошлое – это с позиции адекватного церковного сознания болезнь общества на грани смертельной, то трудно возражать, как кажется, против того, чтобы Церковь совершила то, что за неё никто сделать не сможет, ради исцеления от этой болезни.

В чем это должно заключаться?

Церковь всегда воздействует на мир собственным примером, явлением положительной альтернативы. Она показывает, что можно жить по-Божьи, и по большей части не столько рассказывает, сколько, во-первых, живет так, а во-вторых, желающим помогает войти в этот мир. Именно в этом ключе Церковь может свидетельствовать об оздоровлении жизни через преодоление советского прошлого по контрасту с тем, что собой являет постсоветское общество. Но вот что еще важно: не будь у нас общинно-братского сознания, а самое главное, общинно-братского опыта христианской жизни, у нас бы ни за что не родилась церковно-общественная инициатива в таком виде. Ведь на самом деле мы уже много слышали громких заявлений о том, что надо осудить сталинский режим как преступный. Так, об этом неоднократно говорил митрополит Иларион, называя Сталина нравственным уродом и используя иные хлесткие эпитеты, и против такой максималистской оценки мне трудно что-либо возразить. Но, к сожалению, никаких весомых последствий это не приносит. Следовательно, это должно быть подкреплено чем-то деятельным, должно исходить из какого-то реального вдохновения, которое рождается, как правило, из действительного опыта жизни.

Игорь Корпусов:

Кто, как не Церковь, может хранить адекватную память своего народа? Поминошение и молитвенная память – это то, что может взять на себя Церковь. В этом она реализует свое призвание неповторимой ответственности христиан за этот мир, за свой народ. Если Церковь это призвание не реализует, это плохо сказывается на ней самой. Наша зада-

Игорь Корпусов

ча в том, чтобы хранить эту нелегкую память по-христиански. Я знаю людей светских, которые занимаются этой темой. Им невероятно тяжело, потому что они зачастую видят это только как преступление без наказания. Произошли страшные вещи и – ничего. Никакой реакции. Хранить эту память, преодолевать прошлое и вместе с тем жить полноценно может только человек, который верит во Христа распятого и воскресшего. Если мы понимаем, как Христос мог полноценно жить, принимая на Себя немощи и скорби всех людей, как Он, распятый на кресте, мог вмещать Свои страдания и страдания других людей, прощая не потому, что у Него не было выбора, а от силы любви, тогда мы поймем, как мы можем полноценно жить, храня в себе такие непростые воспоминания о нашем общем прошлом, не отчуждаясь от судьбы народа. И никто, кроме церковных людей так осуществить свое призвание не может. Такое отношение к жизни раскрывает суть самой Церкви, потому что в этом есть один из моментов подражания Христу в Его боли, сочувствии ко всякому и особенно страдающему человеку. О чем Он Сам неоднократно говорил в Евангелии.

Материал подготовила Мария Кайкова.
Фото Евгения Фоминых.

Полностью ответы участников встречи будут опубликованы на сайте газеты <http://gazetakifa.ru>

Крайности в богословии и в жизни

В этом номере мы перепечатаем статью греческого богослова Георгиоса Мадзаридиса, опубликованную на портале «Богослов.ру». Основные тезисы этого размышления удивительным образом совпадают с тем, о чем уже давно говорило Преображенское братство и прежде всего его духовный попечитель, священник Георгий Кочетков, который еще в 1997 году на конференции «Живое предание» охарактеризовал фундаментализм и модернизм как наиболее опасные тенденции в современной церковной жизни.

Между двух крайностей, как говорил Аристотель, есть середина, которая является добродетелью. Добродетель является серединой не в смысле чего-то промежуточного, но в смысле полноты, которая ей присуща. Поэтому он и говорил, что качественно добродетель является крайностью, а количественно она является серединой. Например, храбрость количественно не достигает дерзости, но также и не опускается до трусости, это добродетель между трусостью и дерзостью. Количественно она между ними, то есть является серединой, но качественно она является крайностью, самым вышшим, что должно иметь, – храбростью, а не дерзостью или трусостью.

Мы очень часто смотрим на вещи превратно. Мы думаем, что качество в крайности, а полнота в количестве. То есть либо мы собираем вместе много вещей и, прячась за них, считаем, что они и составляют добродетель; или же многое отбрасываем, впадая в другую крайность, абсолютизируем эту крайность и считаем, что она и является добродетелью. Добродетель и церковная жизнь, и богословская мысль – это как вечное хождение по канату; то есть это путь, требующий внимания, осмотрительности и рассудительности; путь по лезвию ножа. Если человек по невниманию уклонится в ту или другую сторону, вправо или влево, то он упадет; отличается лишь характер падения, но сам факт падения останется неизменным.

В церковной жизни, например, есть люди, которые придают особое значение форме, канонам, догматической точности. И сегодня часто подчеркивается то, что касается канонов и догматов, и забывается самое главное в христианской вере – любовь. Во имя догматической точности, поста, формы и т. д. можно резко критиковать и изгонять. Таким образом, абсолютизируя форму, считают, что совершают богоугодное дело. Но в таком случае истина веры, истина христианской жизни разрушается. Вера – это нечто такое, что не может существовать как форма, как привязанность к символам, формам, канонам и т. д. Старец Паисий называл каноны пушками, из которых мы стреляем и убиваем других. Вера должна идти рука об руку с любовью. А если от веры отнимается любовь, тогда она в конечном счете становится бесовской. И чем крепче такая вера, тем более бесовской она становится, ведь «и бесы веруют и трепещут». Если же бесы не просто веруют, но и дрожат, то и всякая критика или призыв к вере без любви [являются бесовскими]. И чем крепче и упорней эта сухая вера, вера без духа, вера без любви, тем более бесовской она становится.

Именно по этой причине мы видим, что многие люди часто вполне оправдан-

но отворачиваются от религиозности такого вида, считая ее чем-то таким, чего не может принять разумный человек. С другой стороны, конечно, имеет место модернизация, обмирщение веры. Люби – и делай, что хочешь. Это правда. И блаженный Августин об этом говорит. Но что это за любовь, имея которую, можно делать, что хочешь? Любовь – это не то, что мы чувствуем как любовь. Любовь – Бог-Любовь. Бог есть любовь, но любовь – не Бог. Следовательно, когда любовь человека согласуется с волей Божией, когда она является выражением его веры в Бога, его веры в Троического Бога (самая высокая проповедь любви – это Троический догмат, как говорит Василий Великий), когда человек не оторван от Троического Бога, когда он строит свою жизнь согласно этому догмату об истине Троического Божества – во взаимопроникновении, единстве, общении, равенстве и т. д., тогда он действительно может любить и делать, что хочет.

Но что обычно происходит? Мы призываем к плотской любви, любви, как ее понимаем мы. И таким образом мы делаем то, что хотим мы, не придавая значения догматам, канонам, принятым церковным формам и создавая свое собственное, скажем так, либеральное христианство. Это можно назвать религией нового времени, но это не есть христианская истина. Христианская истина – это любовь без плотского элемента, без эгоцентризма, без человеческого эгоизма. Когда человек имеет такую любовь, тогда он действительно пребывает в любви Божией, тогда он чит и каноны, и принятые формы, которые существуют в Церкви. Духовный человек не пренебрегает установлениями Церкви. Ведь эти установления существуют для сохранения духа Церкви. Без установлений мы не можем передать дух. Для того чтобы передать дух, благодать, дар, необходимы установления, потому что именно в установлениях они сохраняются и передаются людям.

Поэтому духовный человек, богослов, скажем, который говорит, что он любит и делает, что хочет, и что Бог есть любовь – а в то же время забывает, что мы достигаем любви исходя из страха Божия, из смирения и т. д., и во имя Божией любви пренебрегает установлениями Церкви – такой человек не является духовным. Он не имеет духа, который передается церковными установлениями, и именно поэтому он и нападает на установления, в которых этот дух есть, и не может примириться с его духом. Духовность (неправильно ее тогда так называть, конечно) – это духовная жизнь. Духовность не является некой абстрактной свежей идеей. Духовная жизнь предполагает общение с Духом Святым, и это общение дается в том числе установлениями Церкви. Сами по себе установления не являются благодатью, но благодать во все времена передавалась Церковью именно через них. Поэтому тесная взаимосвязь установлений и благодати должна определять нашу жизнь как верующих и наше богословие как богословов. Осмелюсь сказать, что Лик Христов – это высшее выражение этого сочетания установлений и благодати.

Христос – Церковь, Тело Церкви, Проводник Благодати, Сам Господь. Невозможно отделить Тело Христово, пренебречь Им и говорить о Его духе, о Его учении, говорить только о Его Божественности. Мы не монофизиты и не несториане. Мы должны принять Христа как Воплощенное Слово вместе с церковными установлениями и благодатью. Он установил Таинства и дал Свое Тело,

В стремлении искусить Христа сошлись вместе ветхозаветные «фундаменталисты» и «модернисты»...

чтобы Оно составляло Церковь, чтобы мы затем при помощи этих установленных приступали к благодати и через них ощущали благодать и свою связь и сопричастность Церкви, которая и является проводником благодати.

Именно по этой причине любое уклонение вправо или влево, уклон ли в сторону форм, канонов, догматов – еще и сухих догматов, или же всякий уклон в сторону любви, как ее понимаем мы, любви, которая пренебрегает догматом, правилами, уставом Церкви, – все это крайности, а не добродетель. Духовная добродетель, религиозная добродетель – это середина, середина в том, что касается содержания, и крайность в том, что касается качества. А те две крайности мы можем назвать консерватизмом и либерализмом, или секуляризацией.

Консерватизм обычно восхваляют и считают добродетелью. Но я не думаю, что это служит к чести тех, кто называет себя консерваторами, если они понимают, что означает это понятие. Консерватизму требуется какая-нибудь древняя реликвия. Консерватизму необходимо что-нибудь древнее, что нужно хранить веками в неизменном виде. Но богословие – не археологическая находка. Богословие – не археология и не музей. Богословие – это истина и жизнь. А истину и жизнь не нужно консервировать, ее нужно передавать, нужно, чтобы ее принимали и передавали. И в таком процессе, в этой традиции и передаче, и есть богословская истина, истина Христова, Христа, Который пребывает вовек – не хранится вовек, а пребывает вовек.

Апостол Павел, имея в виду Таинство Божественной Евхаристии, говорит, что «Предахъ бо вамъ... еже и прияхъ, яко Христосъ...» и т. д. Он принял и передает. Вот что мы должны делать в церкви, особенно клирики, богословы. Точно воспринять то, что нам передали, и передать дальше. Эта традиция, или передача, является одновременно выходом к современности, потому что каждый принимает и передает в свое время. Следовательно, в такой передаче имеется и контекстуальность, если использовать термин, распространенный сегодня среди богословов, и связь с традицией, если она есть. Если же связи с традицией нет, если она ощущается как нечто чужое, тогда естественно искать чего-то нового. Естественно искать что-то такое, что будет лучше выражать человека, но это будет выражать его, а не Церковь.

Церковь является отеческой не в том смысле, что она хранит древние реликвии, которые ей передали отцы. Но она является отеческой, потому что она отцовская, отеческая, потому что интересуется, как отец и мать, своей паствой и всем миром. Таким образом, мы не должны считать, что передача церковной истины предполагает отцеубийство, она предполагает движение по пути, по которому шли отцы Церкви, следуя по одному единственному Пути, Которым является Сам Христос: «Аз есмь Путь и Истина и Жизнь». Жизнь и истина не могут существовать без продолжения, без традиции. Православное богословие является православным, поскольку оно основано на предании. Но оно не будет

православным, если оно консервативно. И оно не будет православным в еще большей степени, если оно либерально и секуляризировано.

Хотя некоторые полагают – возможно, вполне справедливо, – что консерватизм, одержимость традицией, или попросту фундаментализм, опаснее модернизации. Потому что модернизация в конце концов – это нечто такое, что выражает некоторых людей, тогда как традиционализм, фундаментализм – это то, что препятствует другим людям прийти в церковь. В любом случае, мы сейчас не будем судить о том, какая форма падения тяжелее. И в том и в другом случае имеет место извращение, а для нас важно как раз сближение этих двух крайностей.

Возможно, что кризис, который мы сегодня переживаем и в обществе, и в богословии, и в нашей церковной жизни, – это величайший призыв к тому, чтобы эти две крайности сблизились, чтобы мы поняли, что Грецию и греческое богословие не спасет ни традиционализм и привязанность к форме, ни отцеубийственное отталкивание от отцов из-за того, что мы считаем их устаревшими. Я бы сказал, что именно таково требование нашего времени в момент кризиса, в обстановке потрясений, которые мы сегодня переживаем и как общество, и как нация, и как личности.

Мы не можем позволить себе роскошь спорить и взаимно обвинять друг друга. Давайте попытаемся обрести себя, найти истину, которая есть внутри нас, потому что «Царствие Божие внутри вас есть», чтобы не задушить это Царствие ни сухой формой, ни нашими либеральными предпочтениями и желаниями. Посмотрим прямо на него, как оно есть, оставим свое «я» и посмотрим на Христа внутри нас. Освободимся от себялюбия, чтобы позволить Святому Духу вселиться в нас, чтобы Он расширил наши сердца и сделал бы так, чтобы мы обняли в своем сердце всех людей, сперва наших братьев православных христиан: так называемые консерваторы – либералы, а либералы – консерваторов, в новом предании, которое с какой-то точки зрения консервативно, а с другой, либерально; которое является сочетанием и преодолением этих противоположностей.

И так, в этом синтезе, который они обретут, каждый, каждая сторона найдет удовлетворение, подтверждение главного и отбрасывание второстепенного, найдет подлинный путь современного богословия, современного православного богословия, в котором особенно нуждается наша страна и вообще все человечество, потому что православие – это не национальная Поместная Церковь, православие является вселенским. И нужды Вселенной – это прежде всего нужды, которые может восполнить Православная Церковь. Эта Церковь утвердила Вселенную, и эта Церковь, это богословие должны продолжать утверждать Вселенную и питать ее, и придавать смысл жизни, истории и личной истории каждого из нас¹.

Перевод А. Саминской
Источник: Портал Богослов.ру

¹ Pemptousia.gr: http://www.pemptousia.gr/new_videothiki/?v=34332

Когда нужно начинать воспитывать в детях почтение к родителям

На вопросы Открытых
встреч отвечает
катехизатор
А.М. Копировский

Иов с сыновьями. Мозаика, XII в.

Почему Христос говорит, что если Его похулят – простится, а если Духа Святого – не простится? Разве Христа можно хулить?

Потому что Он пришел, чтобы прощать. И может простить всё, в том числе грехи лично против Него, вызванные ненаученностью, ложным учением, озлоблением, расслабленностью, глупостью, в конце концов. Вот примеры хулы на Христа: «Не от Бога этот Человек, потому что не хранит субботы»; «Мы знаем, что Человек этот – грешник»; «Мы вспомнили, что обманщик Тот...»

А в хуле на Духа есть претензия на высший суд, на безошибочность в вопросах, в которых безошибочен только Бог. «Он изгоняет бесов силой Вельзевула, князя бесовского!» – сказавший такое человек претендует на компетентное суждение о духовном мире без опоры на что-либо земное. Он хочет сам осуждать или прощать, как Великий инквизитор у Достоевского. Такой человек, если использовать строки Тютчева,

*«Не скажет ввек с молитвой и слезой,
Хоть и стоит перед запертою дверью:
Прости меня! Я верю! Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!»*

А если не скажет – как же его простить?

Зачем нам изучать по Священному писанию то, что делали евреи, исходя из родовых и общинных оснований? Мы ведь другие.

Только отчасти другие. В чем-то мы лучше, в чем-то хуже, а в основном – такие же. Но у них была существенная особенность: что бы они ни делали, это всегда ставилось в связь с их верой и Законом, полученным от Бога. Такое основание нужно современному человеку больше всего. Разумеется, с поправкой на современность, но не исходя из нее. Потому что некоторые основания современной жизни часто не лучше, а хуже родовых и общинных.

Древние иудеи никак не расплачивались за то, что убивали врагов? Это только в Новом Завете появилось – епитимья за убийство на войне?

Где сокровище ваше...

Начало на с. 1

Вы говорите, что выставка «Non licet vos esse. Не должно вам быть» помогает понять современную жизнь. Однако многие сейчас считают, что нынешняя ситуация полностью противоположна тому, что описывается в материалах выставки.

Дмитрий Гасак: Ну, конечно, сейчас, слава Богу, никто, кроме обычных, так сказать, неорганизованных воров, церкви не грабит, не отнимает у верующих того, что им принадлежит и в этом смысле гонений, подобных советским, церковь не претерпевает. Более того, мы видим, что в последние двадцать лет храмы все-таки строят и, так или иначе, материальная сторона церковной жизни хоть в какой-то степени обретает те черты, которые были до большевистского переворота. Но я имею в виду не материальную сторону. Не так важно, сколько храмов построено, позолочены ли у них купола, обустроен ли иконостас в храме и так далее. Дело не в этом, а в образе взаимоотношений между самыми разными людьми в современном обществе. И я думаю, что хотя современная эпоха – это не время начала 1920-х годов, тем не менее некоторые типологические черты зародившихся тогда взаимоотношений еще до конца не изжиты. И в этом очень полезно разбираться. Все-таки события, начало которым положили волнения в Шуе, очень небольшом городе центральной России, отстоят уже довольно далеко от нас по времени, эмоции и многие страсти улеглись, и сейчас можно разобраться в подлинных основаниях действий самых разных людей – и со стороны советской власти, и со стороны церкви.

Окончание на с. 3

Окончание на с. 2

Когда нужно начинать воспитывать в детях почтение к родителям

Начало на с. 1

Нет, не только. Когда двое из сыновей Иакова, Симеон и Левий, в отместку за бесчестье сестры стали убивать без разбора всех подряд в народе, откуда происходил обидчик, об этом в Писании было сказано: «Проклят гнев их, ибо жесток». В результате они лишились духовного первенства в Израиле – оно было передано их младшему брату.

И даже на войне, где убийство врага приветствовалось, не обошлось без исключения. Царь Давид – избранник Божий, пророк, поэт, военачальник, освободитель и объединитель страны, очень хотел построить «Дом Божий» – храм. Но Бог ответил ему, что он пролил много крови, поэтому храм построит не он, а только его сын.

В ветхозаветном жертвоприношении странная логика – убить животное за то, что человек убил человека. Как это понять? Так же и убивать целые народы ради земли обетованной... странно это.

Нет, это не так. Если человек убивал другого человека, он сам должен был умереть. Если убивал случайно – должен был бежать в так называемые города-убежища (их было немного – не больше пяти во всей стране), только там он мог жить в безопасности. Даже если чей-то вол забодал бы насмерть человека, а хозяин знал, что он бодлив за 3 дня до этого и не принял мер, то вола побивали камнями, но и его хозяин должен был умереть тоже. Потому что «око – за око, зуб – за зуб». И, соответственно, «смерть – за смерть», поскольку жизнь человека – священна, она дается Богом, и отнимающий ее как бы ставит себя на Его место. Животные тут ни при чем.

Другие народы, жившие в «земле обетованной», т.е. обещанной Богом иудеям, не «убивались». С ними иудеи сражались, сами несли потери, часто – огромные. Но война для них была священной. Она велась не за большую, удобную и богатую территорию, потому что Палестина в этом смысле – отнюдь не рай земной, можно было бы найти землю значительно лучше. Однако именно ее, по велению Бога, требовалось освободить от тех народов, которые поклонялись природным силам, что выливалось у них, например, в «священную» проституцию или человеческие, в том числе детские, жертвоприношения. Впрочем, даже их нужно было, как сказано, «прогнать от лица своего», а не уничтожить.

Что происходит с детьми, которые рождены в результате прелюбодеяния? Как их воспринимает Закон?

Иеффай был сыном блудницы, однако – «спасителем Израиля» на войне, предводителем войска.

И неужели Богу нужно государственное признание брака?

Богу нужны только мы, причем в состоянии свободы от греха, чтобы Он мог действовать в нас. А государственное признание брака нужно нам. Чтобы столь важная сторона нашей жизни как супружество была построена на более твердом основании, чем простое влечение полов друг к другу, и хотя бы в этом освобождена от греха.

Фраза «по духу и по плодам» звучит почти издевательски: я не понимаю – что по духу, а что не по духу. Как это можно понять?

По плодам – просто: если хотел как лучше, а вышло как всегда, то оценка дается все равно не по намерениям, а по результату. Потому что: «Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы (инжир)?» И еще: «Не может дерево доброе принести плоды худые».

А по духу – еще проще, потому что не нужно ожидать зримых плодов. Если кто-то призывает вас самыми красивыми словами «украсть, убить или погубить», убедительно доказывая, что от этого будет только лучше, причем всем, вы вправе отказаться просто по внутреннему ощущению, что это не так, не дожидаясь, пока действительность развеет эти доказательства.

Как узнать, призван ты к браку или нет? Ведь сейчас нормальным считается именно иметь семью. Трудно разграничить: ты ошибся с призванием или совершил ошибку на верно выбранном пути? Если ты хочешь иметь семью – это и есть призвание?

Слово «призвание» в Писании употребляется много раз. Верующие в Бога призваны, прежде всего, к жизни с Богом и в Боге. А еще – «к миру», «к свободе», «к почести высшего звания», «к одной надежде», «к святости», «к жизни», «к вечному наследию», «в свет (Божий)» и т.д. Но никогда не говорится о призвании к браку или безбрачию. То и другое – возможность, причём равная, несмотря на то, что несравни-

На вопросы Открытых встреч
отвечает катехизатор
А.М. Копировский

мо большее число людей вступают в брак.

Вопрос только в мотивации и цели, в отношении к призванию, описанному выше. Если человек хочет иметь семью – это желание может быть связано с низкой мотивацией, не относящейся к призванию («чтобы было кому в старости подать стакан воды»; «чтобы продолжить род» – не спрашивая для чего; чтобы удовлетворить свое плотское желание). А может – с высокой (свободно, по глубокой взаимной любви, ведущей к духовной, душевной и телесной поддержке друг друга, к совместному служению Богу и людям, к «возделыванию и сохранению» созданного Богом мира и даже к его освящению и преображению; к рождению и воспитанию детей, способных к тому же). Тогда это совместимо с призванием.

Аналогично – безбрачие. Если человек выбирает его лишь для того, чтобы у него не было хлопот, связанных с ответственностью за других, и он даже готов претерпеть здесь некоторые неудобства, – это низкая мотивация, и к призванию Богом она не имеет отношения. Если же наоборот – выбирают **большие хлопоты и большая ответственность**, просто в другом направлении жизни, причем выбирают свободно, в надежде на признание Богом такого выбора – это высокая мотивация, она связана с призванием.

Конечно, и там, и здесь возможны неудачи, иногда трагические. Но они зависят не столько от ошибки в выборе, сколько от низкой мотивации, от непоследовательности в осуществлении выбора или просто от неготовности к нему.

Один такой юноша пришёл к мудрецу: жениться мне или не жениться? Мудрец ответил: поступай, как хочешь; и в том, и в другом случае пожалеешь.

С какого возраста нужно начинать воспитывать в детях почтение к родителям?

С того, когда дети показывают способность хоть что-то правильно оценивать. У некоторых она проявляется в 3 года, у некоторых – в 30, у кого-то – при выходе на пенсию. В тех, кто так и не приобретает ее, воспитывать почтение к родителям бесполезно. Им следует просто напомнить 5-ю заповедь, за нарушение которой следовала смертная казнь, или хотя бы Уголовный кодекс ... :-).

Где сокровище ваше...

Начало на с. 1

Дмитрий Гасак: Я полагаю, что мы еще очень плохо знаем ту эпоху и плохо понимаем то время, а, стало быть, плохо понимаем и наше время. Еще в начале двадцатого века самые значительные русские мыслители говорили о конце Константиновской эпохи церковной истории. Но каковы последствия окончания этой полутора-тысячелетней эпохи церковной и общественной жизни, мы еще не знаем. Пока мы плохо отдаем себе отчет в том, чем характеризуется современная историческая эпоха. А мне кажется, что для православных христиан в нашей стране это вопрос принципиальный. Вспомните из Писания, как трезво оценивали общественную ситуацию Христос, а затем апостолы и другие святые – с одной стороны, без иллюзий, а с другой – без осуждения и уныния. Вот так, мне кажется, и мы должны трезво оценивать нашу современную действительность для того, чтобы служить Господу Богу и Церкви лучше, чтобы наше служение было полнее, чтобы слово Христовой Истины, Правды, Добра и Красоты было принято современными людьми. Думаю, что это важнейшая сторона современного христианского служения. А для нашей страны может быть, что даже самый центр христианского служения.

Сейчас церковь часто обвиняют в стремлении к симфонии с государственной властью. Для многих людей это является большим раздражителем.

Дмитрий Гасак: Сегодня церковь обвиняют в самых разных вещах (кто-то, к слову, обвиняет и в недостаточном взаимодействии с властными структурами). Слава Богу, церковь имеет возможность пользоваться большей свободой, чем в советское время, а стало быть, возникает поле диалога, а значит, и оценок тех или иных общественных явлений, в том числе и церковной жизни. И конечно, церковь критикуется с разных сторон. Это нормально, а может быть, даже и полезно для верующих людей, так как члены церкви вновь должны свидетельствовать «словом и житием», а не прикрываться авторитетом государства или других общественных институтов.

Но дело в том, что как бы ни хотелось нам, ныне живущим в России людям, жить по-новому и не воспроизводить ту жизнь, которая была двадцать, сорок, сто или пятьсот лет назад, мы должны хорошо понимать, что история всякого народа, страны и,

На открытии выставки. фото Марии Кайковой

тем более, такого древнего организма, как Православная церковь, обладает качеством преемственности. Да, действительно, окончившаяся в 1917 году Константиновская эпоха связана с тесными взаимоотношениями государства и церкви, что исторически связано с мощной идеей симфонии, родившейся из стремления к тому, чтобы Божьему Закону, Божьей Правде была подчинена жизнь всего общества, начиная с института государства. И от этого наследия не так-то легко избавиться, а вообще-то говоря, нужно бы и подумать о том, насколько это возможно, насколько это нужно, каковы будут последствия, для чего важно вспоминать всю церковную историю. Мы знаем, что первые века христианства часто были связаны с открытым противостоянием светской власти – тогда это была власть Римской империи – и церкви. В советское время мы пережили нечто подобное: семьдесят лет беспрерывных гонений. Мы были свидетелями политики, которая последовательно была направлена на уничтожение всех очагов христианской жизни. И мне кажется, что прошло еще мало времени с той поры, когда положение церкви в российском обществе изменилось. Инерция предыдущей эпохи очень сильна. И с одной стороны – да, церковное руководство в России всегда было ориентировано на власть. С другой стороны, мы знаем, что в советское время церковь подвергалась гонениям, преследованиям, клевете не только со стороны власти, но и со стороны общества. И эти тенденции так же сильны в настоящее время. Поэтому, мне кажется, главное усилие нужно направлять на такую жизнь в церкви, чтобы если она и подвергалась бы критике, то не из-за наших ошибок, грехов, раздвоенности, трусости и так далее, а за подлинно хри-

В храме Христа Спасителя проходит выставка, посвященная 90-летию кампании по изъятию церковных ценностей

стианскую позицию по самым разным вопросам общественной жизни.

Светлана Чукавина, организатор выставки: Мало кто сегодня знает масштаб разрушения церкви. Эта выставка рассказывает об одной из самых ранних кампаний, целенаправленно работающих на разорение Церкви, и даже она была уже очень масштабной. Сегодня масштаб этого разорения очень трудно себе представить. Поэтому важно именно на это обратить внимание, почувствовать масштаб разорения, уничтожения, ограбления церкви, вмешательства в ее внутренние дела.

Кирилл Мозгов, руководитель издательства Преображенского братства: Наверное, тем, кто собирается на эту выставку, надо запастись временем и терпением. Потому что материал, который на ней представлен, с одной стороны, может поражать какими-то яркими фактами, цифрами, статистикой или именами. Но с другой стороны, мне кажется, самое интересное – это попытаться вчитаться в живые документы той эпохи, в разные свидетельства: как официальные, например, постановления советской власти 1920-х годов, так и личные, в том числе письма и свидетельства священников и мирян того времени. Эти живые голоса говорят не меньше, если не больше, чем факты и цифры. На самом деле, если прислушаться, то даже по стилю порой видно очень многое. И на знакомство с этой частью экспозиции не нужно жалеть времени, потому что это уникальное собрание таких писем, документов и свидетельств. Вот на это я бы очень рекомендовал обратить особое внимание.

Вопросы задавала Анастасия Наконечная

Главная ценность Церкви изъята быть не может

На открытии выставки «Non licet vos esse. Не должно вам быть» в храме Христа Спасителя мы обратились к посетителям с вопросом о том, что их задело больше всего. Вот некоторые ответы:

Свящ. Александр: Я могу сделать один вывод: церковные ценности-то изымались, но это изъятие выявило то, что самая главная ценность Церкви – исповедничество – как раз изъята быть не может. Исповедничество является главной церковной ценностью внутри человека, а все, что вне, как раз помогает развиваться этой главной духовной ценности. Прекрасная выставка, очень много материалов. Я этим никогда не занимался, хотя, конечно, мы все понимаем значение подвига священномучеников, новомучеников... Но, безусловно, после сегодняшней выставки они мне стали гораздо ближе.

Дмитрий: Я вижу очень много подробностей, тех особенных человеческих историй, которые собственно и составляли эту катастрофу. Рассказы священников, какие-то конкретные цифры и примеры. Потому что, на самом деле, очень трудно себе представить, как подобная ситуация могла в принципе происходить в цивилизованном государстве. И я очень глубоко сейчас прочувствовал, читая текст, смотря на эти изображения, то, что происходило тогда. В этом смысле то, что здесь представлено, очень ценно.

Как Вы думаете, что из того, что было тогда и не может не сказаться на нас, вышедших из этого времени, нам в себе надо преодолевать прежде всего?

Дмитрий: Это просто нужно принять как часть себя самих, потому что все это делали люди, и мы сами являемся тоже людьми, и какая-то часть этих действий находится внутри нас. Я лично стараюсь именно это понимать, что любое злодеяние, которое происходило тогда, является частью меня. И для того, чтобы как-то это изменять внутри себя, я стараюсь подвергать это анализу.

Инна Сергеевна: Знаете, я человек неверующий...

Тем более интересно, что Вас больше всего задело в материалах выставки.

Инна Сергеевна: Фотографии голодающих. Смотреть на это невозможно, без слез это увидеть нельзя. Но это наша история, ничего не сделаешь. И гонения на лучших людей нашего времени. Выставка мне очень понравилась, очень много того, что я не знала вообще, слышать слышала, но знать не знала, а здесь очень много подробностей.

Алла: Меня все задело. Враги пришли к власти, разрушили, осквернили все. Мне это очень больно. И сейчас я смотрю на фотографии мучеников, священномучеников, и для меня это настоящие небесные воины. У меня больше слов нет, я просто потрясена этим всем. У меня слезы на глазах. Желательно, чтобы побольше молодежи все это увидело, посмотрело. Никто не знает, что дальше будет, возможно, то же самое будет, потому что враг не дремлет. И об этом нужно знать, нужно помнить, нужно бороться.

Говорят посетители выставки «Не должно вам быть»

Из книги отзывов:

Дорогие братья и сестры!

Трудно выразить те чувства, которые охватывали меня от содержания выставки.

Всё пронзило, рассказ экскурсовода, экспонаты, фильм, ужасающие кадры которого завершаются неизъяснимым светом, исходящим от прекрасных лиц – икон новомучеников.

Хотелось бы, чтобы побольше об этом говорили с экрана телевизора, можно было приобрести диски для домашнего просмотра об этом страшном времени для нашей многострадальной земли и нашего Православия.

Спаси Вас Бог!

Выставка и экскурсия очень интересная и познавательная как с исторической, так и с духовной точки зрения. Как ни пыталась советская власть скрыть свои преступления, – всё равно всё тайное стало явным. Это наша жизнь, наша история. Мы не вправе это забыть. Как написал В. Шаламов, отсидевший в своё время 20 лет в лагерях за «контрреволюционную троцкистскую деятельность» (КРТД), в своей книге «Колымские рассказы»: «Были ли мы? – отвечаю, были со всей ясностью, уверенностью, отчётливостью протокола!...»

Спасибо Вам.

Эта выставка – дань памяти тем святым, мученикам и исповедникам, на подвиге которых стоит наша вера. И дар памяти для тех, кто ничего не знает об их судьбе, испытаниях и самоотверженности.

Фотографии сделаны на открытии выставки. Автор – Мария Кайкова